В.КУСКОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ "ИЗБОРНИКА" 1076 г.

Одним из древнейших памятников древнерусской дидактической литературы является "Изборник" 1076 года. Его статьи были призваны дать ответы на вопросы нравственные, наставить человека на правый путь, показать, "как крестьянам жити". "Статьи этого Изборника, - отмечал Ф.И.Буслаев, - по нравственно-религиозному содержанию были доступнее нашим предкам, нежели философские и литературные в Изборнике 1073 г. Самый язык в Изборнике 1076 г. простее и удобопонятнее" [1].

По мнению большинства исследователей, "Изборник" 1076 г. был создан на славянской почве [2]. Его составителем и переписчиком был "грешный Иоанн", "рукою" которого было "избьрано из мъног книг княжих" [*]. На основании этой записи можно заключить, что "Изборник" создавался на основе тех "книг", которые хранились в княжеской библиотеке, возможно, той самой, которая создавалась трудами "писцов многих" при Ярославе Мудром, о чем сообщает "Повесть временных лет" под 1037 годом.

Скромное внешнее оформление "Изборника", относительная простота языка его статей свидетельствуют о том, что он предназначался не для князя и его семьи, а для наставления тех "смысленных" мужей, которые окружали князя, являясь членами старшей дружины, имеющими "дрьзновение" к князю [3].

---

* Изборник 1076 года. Изд. подготовили В.С.Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г.Демьянов, Г.Ф.Нефедов. - М.: Наука, 1965. - С.700-701). (Все сноски даются в тексте с указанием страниц).

Статьи "Изборника" были адресованы читателю-мирянину и ставили своей целью наставить его на "путь спасения" - высоконравственной жизни в миру, "како подобает человеку быти". В связи с этим замечу, что составитель "Изборника" весьма целенаправленно переработал "Слово о подвижничестве, како подобает украшати себя монаху" Василия Великого в статью "Святого Василия, како подобает человеку быти", придав этому слову "общечеловеческий" характер.

При этом большое место в статьях "Изборника" отводилось наставлениям, связанным с правилами поведения в церкви, внушалось уважение к иноческому и священническому чину и чувство страха по отношению к князю. Следует отметить, что, судя по "Житию Феодосия Печерского", написанного Нестором в конце XI в., и "Поучению" Владимира Мономаха - начало XII в., древнерусское общество отнюдь не питало уважения к инокам. Достаточно напомнить, как отнеслась мать Феодосия к намерению сына стать монахом, а также боярин Иоанн. Князь же Изяслав первоначально без всякого почтения принимал у себя Феодосия, предпочитая благочестивой беседе развлечения плясками и играми скоморохов. А возница, который вез Феодосия, прямо говорит игумену о праздной жизни монахов.

К тому же и дружинники отнюдь не питали чувства благоговейного страха перед князем, а рассматривали его в качестве первого среди равных.

В связи с этим цель "Изборника" была определенна: пропагандировать новую христианскую мораль, воспитывать в обществе новые отношения к власти светской и церковной.

В отличие от "Изборника" великого князя Святослава 1073 г. Изборник 1076 г. не имеет ни оглавления, ни нумерации статей. В его тексте выделены киноварью 48 заголовков, что, очевидно, и позволило И.У.Будовницу утверждать, что "Изборник" 1076 г. содержит в своем

составе 48 статей [4] .

Однако, на мой взгляд, в "Изборнике" 1076 года всего 12 статей:

1. "Слово некоего калугера о чьтении книг",

2. "Слово некоего отця к сыну своему словеса душеполезная",

3. "Наказание богатым",

4. "Еже убо правоверьну веру имети основания добрыих дел есть...",

5. "Наказание Исухия презвутера иерусалимского",

6. "Премудрость Исусова сына Сирахова" (в этой статье киноварными заголовками выделено 11 разделов),

7. "Иоана Златоустааго слово разумными и польззьни от прочих его душепользьныих учении",

8. "Святаго Василия како подобает человеку быти",

9. "Ксенофонта, иже глагола к сынома своима",

10. "Святыя Феодора",

11. "Афанасиеви ответи противу нанесенныим ему ответом от некых правоверьныих о различьных главизнах",

12. "Събор от мъног отець и апостол и пророк: събрано и протълковано от инех книг: въкратьце съложено" (в данной статье выделено заголовками 24 раздела, где указываются главным образом источники наставлений и их темы).

Круг используемых греческих источников весьма ограничен. В "Изборнике" помещены извлечения из сочинений Нила Синайского, которое фигурирует под названием "Наказание Исихия пресвитера Иерусалимского", "Вопросов и ответов" Афанасия Александрийского и Анастасия Синаита, из библейской книги "Премудрости Иисуса сына Сирахова", слов Иоанна Златоуста: 2-го слова "О молитве", конец 30-й беседы "Слова увещевательного на начало святой четыредесятницы", 13 и 44 бесед "Толкования на св.Матфея евангелиста", из 6-й беседы "О

статуях", 34-й беседы "Толкования на послание к евреям", 86-й беседы на "Евангелие" Иоанна, "Слова о том, что не должно недостойно приступать к божественным тайнам"; бесед Василия Великого "На мученицу Иулитту", "Против упивающихся", "Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху"; из посланий апостола Павла к Ефесянам и I послания к Коринфянам, из житий Ксенофонта, Феодоры Александрийской и Синклитикии [5].

К "Слову некоего калугера", "Слову некоего отця к сыну", "Наказанию богатым", "Стословцу" Геннадия, фигурирующего в "Изборнике" под названием "Еже убо правоверную веру имети основания добрыих дел есть...", греческие параллели отсутствуют.

В жанровом аспекте "Изборник" 1076 года изучался М.Н.Сперанским, который связывал его статьи с жанром гномий или флорилегий, складывавшимся еще в античной литературе, а затем унаследованным и переработанным в христианском духе в литературе византийской [6].

Основу жанрового содержания "Изборника" составляют изречения, подобранные в определенной тематической последовательности, с нарочитым повторением одних и тех же назиданий с целью наставить своих читателей-слушателей на "правый путь спасения".

Важное значение придано "Слову некоего калугера о чьтьнии книг", являющемуся своеобразной увертюрой ко всему "Изборнику", определяющей своеобразную структуру его словесной художественной образности.

Еще А.Х.Востоков высказал предположение, что "Слово некоего калугера" является оригинальным и особенно интересным произведением, "как выражение мыслей новопросвещенного словенина о драгоценной науке книжной, которую он приобрел вместе с христианством" [7].

Безымянный монах - "некий калугер" сразу же подчеркивает в своем слове то "добро", т.е. нравственное благо, которое дает "по-

четанье книжное" "вьсякому хрьстьяну".

Как известно, насаждение на Руси христианства и введение образования - "учения книжного" протекало путем довольно крутых правительственных мер: ниспровергались и уничтожались "идолы" - изображения языческих богов, а трудовое население приводили к "крещению", прибегая порой к огню и мечу ("Путята крестил огнем, а Добрыня мечем"). Необходимо было привить недавнему язычнику уважение к книге, раскрыть ее значение в жизни человека в качестве источника истинной мудрости, наставника на стезю добродетели. Эту цель преследовал летописец, помещая под 1037 годом похвалу книге и книжному учению. Эти же цели преследует и "некий калугер", начиная свое слово с обращения к "братии", имея в виду не только христиан, но и язычников, тем более, что в 70-е гг. XI столетия язычество еще прочно удерживалось на окраинах Руси. Об этом свидетельствует зафиксированное летописью восстание волхвов в Суздальской земле. Примечательно также, что в 1071 г. волхв появился в Киеве и его предсказаниям верили, жившие там "невегласи", т.е. язычники.

Как известно, слово "братия" имело в древнерусском языке несколько значений: сыновья тех же родителей, монахи одной общины или монастыря и более широкое собирательное - "товарищи" [8]. В последнем значении это слово употребляется в "Слове о полку Игореве" и "Молении Даниила Заточника". Подобное словоупотребление дает и "Слово некоего калугера" "Изборника" 1076 г. Опираясь на традиции апостольских посланий, калугер разумел под словом "братия" всех своих читателей-слушателей.

Поскольку чтение книг тогда было еще делом новым, необычным, то калугер сразу же приступает к непосредственным конкретным, "методическим" советам, обращенным к индивидуальному читателю, как надлежит читать книги. "Не тъшти ся бързо иштисти до другыя гла-

визны, нъ поразумей, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единои главизне" (с.152). Итак, книги следует читать медленно, глубоко вникая в смысл прочитанного. Калугер рекомендует читателю трижды обращаться к одной и той же главе. И этот методический совет, быть может, связан с сакрально-символическим значением числа три. Калугер считает, что только при таком чтении "словеса" будут не только произноситься, но они оставят неизгладимый след в сердце читателя и позволят ему уразуметь истину.

В "мысленном" монологе, который произносит калугер от имени вдумчивого читателя,появляется и первый словесный художественный образ: "узда коневи правитель есть и въздържание, правьднику же книгы я" (с.153). Это символическое сравнение наглядно иллюстрировало мысль калугера о значении книги в нравственной жизни человека. "Узда", "уздечка" занимала важное место в повседневной жизни человека того времени как дружинника, так и ратая, как боярина, так и князя. Всем им был близок и понятен данный словесный художественный образ. В летописном сказании об осаде Киева печенегами, помещенном в "Повести временных лет" под 968 годом, отрок бесстрашно идет с уздою сквозь стан, спрашивая по-печенежски, не видел ли кто его коня [9].

Символическое метафорическое сравнение: "узда" - правитель и воздержание коню сопоставляется со значением книги для праведника. Как метафора-символ этот образ использован летописцем в похвале книгам: "си суть узда въздержанью" [10]. Тем самым подчеркивается воспитательная роль книги, удерживающей человека от дурных поступков, обуздывающей его низменные страсти и помыслы. Образ "узда" затем будет использован Иваном Пересветовым в "Сказании о Магмете-салтане" для обоснования политической мысли о необходимости единодержавия.

Значение книги в "строительстве" внутреннего мира праведника калегур зримо сопоставляет со строительством корабля: "Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго" (с.153).

Со строительством кораблей древние славяне, по-видимому, были знакомы еще в глубокой древности. Корабли "безбожной Руси" подходили к стенам Царьграда во главе с Аскольдом и Диром; на конях и кораблях, которых насчитывалось 2000, идет в 907 г. Олег на Царьград и, одержав победу, "заповеда дань даяти на 2000 кораблю", "корабль Глебов" захватывают посланные Святополком убийцы; на кораблях отправляется в поход на Царьград Владимир Ярославич в 1043 г. [11].

Примечательно, что после 1043 г. слово "корабль" в "Повести временных лет" более не употребляется [12].

Метафорический образ - "корабль душевный" встречаем в "Слове о законе и благодати" Илариона [13]. В сравнении калугера "Изборника" 1076 г. метафорический образ "душевного корабля" можно только домыслить.

Однако в следующем затем сравнении калугер подчеркивает эстетическую значимость почитания книжного: "красота воину оружие и кораблю ветрила. Тако и правьднику почитание книжьное" (с.154).

Широко известно, какую важную роль играет оружие в народном эпосе и дружинной поэзии, отзвуки которой сохранила нам летопись. Оружием клянутся Олег, а затем Игорь и люди его, заключая мирные договора с греками в 907 945 г.; Святослав с пренебрежением относится к тем богатым дарам, которые посылают ему византийцы, и с радостью принимает посланный в дар ему меч и оружие. Меч, копье и щит украшают изображение Дмитрия Солунского на знаменитой мозаике Михайловского Златоверхого монастыря.

Паруса-ветрила составляли не только необходимую часть корабля,

его оснастки, но и украшали его. После одержанной победы над греками Олег говорит: "Ищите паруса паволочиты Руси, а Словеном кропиньныя", и бысть тако" [14].

Таким образом, весь ряд метафорических сравнений, служащий художественным средством раскрытия многогранного значения "почитания книжного", взят калугером из реального мира той действительности, которая его окружала. На первый план выдвигается значение книги в нравственном воспитании человека. С помощью книги человек строит и укрепляет свой духовный мир так же, как корабль составляется при помощи гвоздей. "Почитание книжное" позволяет человеку обрести внутреннюю духовную красоту: книга является духовным оружием человека и тем ветрилом, которое направляет его житейский корабль по бурным волнам моря житейского.

Все эти метафорические сравнения приобретают в "Слове некоего калугера" характер многозначных нравоучительных сентенций, которые искусно вкрапливаются в цитаты из "Псалтири". Последние вносятся с помощью вводного оборота "бо рече" [15]. В связи с этим следует обратить внимание и на присутствие данного вводного оборота в тексте "Слова о полку Игореве": "помняшеть бо, рече, първых времен усобице" [16] и правомерность конъектуры, внесенной в текст Мусин-Пушкинского издания "Слова", где данное место читалось: "Помняшеть бо речь". Этим оборотом автор "Слова о полку Игореве" вводил цитаты из песен своего предшественника Бояна. Цитируя 103 и 162 стихи 118 псалма, калугер подчеркивает ценность учительного книжного слова, которое слаще меда и дороже тысячи злата и серебра. Этот же образ повторяет и "премудрости похвала" (с.424).

"Мысленный" монолог вдумчивого читателя завершается выражением чувства радости по поводу приобретения "многой корысти", т.е. "словес божиих". Эта "корысть" не связывается с земными, матери-

альными ценностями, она выше их. Ценность словес книжных непреходяща, нетленна. Эти нетленные ценности, подчеркивает калугер, снова обращаясь к "братии", постигаются "разумьныма ушима". Здесь перед нами характерное для средневекового миросозерцания удвоение мира, связанное с представлениями о тесной связи земного, телесного начала и начала горнего, небесного, духовного в самом человеке.

Не "телесными", а именно "разумными ушима", подчеркивает калугер, можно постигнуть, уразуметь "силу и поучение святых книг". И снова апелляция к одному слушателю: "послушай ты.., вижь...", переходящая в призыв к "братии" поучаться книжными словесами и творить волю их. При этом калугер указывает на силу положительного примера в поучении. Эти примеры он видит в житиях Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла философа, которые "из млада прилежааху святых книг" и "на добыя дела подвигнушася". "Начаток добрым делом - поучение святыих книг", - морализирует калугер. И он призывает братию подвигнуться"на путь жития их и на дела их" (с.157-158).

Выбору правильного жизненного пути посвящено "Слово некоего отця к сыну своему словеса душеполезная". Это типичное дидактическое слово, которое носит предельно обобщенный характер, что подчеркивается уже самим названием. Поучение исходит не от конкретного лица, как, например,"Поучение" Владимира Мономаха, а от "некоего отця" к своему сыну. Оно построено в форме назидательного обращения - увещевания. Отец просит сына приклонить ухо свое и послушать его, приблизить "разумы сердца своего", "простреть сердечный съсуд", "да накаплють ти словеса слажьша меду, могуштая оживити и бесъмрьтьна явити тя" (с.160). Сладость учительных словес здесь снова подчеркивается уже использованным ранее калугером поэтическим сравнением, взятым из"Псалтири".

Автор "Слова некоего отця" избирает форму монологической речи.

В ней присутствуют размышления-медитации, что придает определенный доверительный тон всей речи "отца" - своеобразной авторской маске. "Отец" размышляет вслух, взвешивает свои слова, думает, с чего начать ему свое "наказание" (наставление): "Нъ от чтоо пьрвое начьну казати тя, сыну мои, что ти пьрьвое явлю, мятежь ли или зълобы света сего, житие ли богоугодьно и спасено" (с.160). Таким образом, сразу же поставлен вопрос о выборе жизненного пути: пути ли "зла" и "мятежа", ведущего к погибели, или пути добра, приводящего к спасению.

Доказательством истинности последнего служит исторический опыт всего человечества: "от Адама праотца нашего до сего нашего "века". Только те люди сохранили о себе память, "иже в кротости пожиша и в добрословьи уста своя учиниша", устремляя "вьсю же свою мысль, вьсе свое хотение в бесъмртьное житие". Отец и призывает "чадо" поразмыслить над житием этих людей, их делами: "възишти, кыимь путьмь идоша и коею стезею текоша" (с.163). Таким образом, самому "чаду", т.е. человеку предоставляется свобода выбора жизненного пути - стези добра или зла.

Отец призывает сына следовать примеру тех людей, которые "прослуша на небеси и на земли", благодаря своим добродетелям, таким нравственным качествам, как "кротость", "съмерение", "благ смысл, покорение и любы и добросьрдие","милостыни же и мир к въсем малым же и великыим" (с.163-164).

Разъясняя каждую из вышеперечисленных добродетелей, отец подчеркивает, что только они ведут к "вечьной жизни", т.е. спасению, а лишить себя"вечьнаго житья" может только сам человек, своей "самохотью" (с.168). Поэтому необходима "вся крепость" и "вся сила", чтобы ввести добродетели "в дом свои телесьныи и душевьныи" (с.165). Автор поучения не противопоставляет телесное начало душевному, а

рассматривает их в неразрывном единстве. Метафора-символ "телесный и душевный дом" ярко выражает идею домостроительства, которая затем получит развернутое воплощение в "Домострое".

В "Изборнике" 1076 г. эта идея последовательно проводится в ряде статей и наиболее ярко выражается афоризмом: "правою верою и добрыими делы зиждеться душьныи дом" (с.488).

"Душевный дом" губят грехи, которых надо бегать, "яко ратьника" (с.168). Это одно из "постоянных" сравнений, которые неоднократно встречаются в учительной литературе. Оно связано с таким бытовым явлением средневековой жизни, как бесконечные войны и набеги, которые опустошали земли, лишали труженика не только продуктов его труда, имущества, но и самой жизни. Характерно, что эту отрицательную оценку ратей, ратников постоянно дают летописи, где "сеча" всегда "зла и ужасна", а ратники приносят много убийства и разорения, творят много зла. "Постоянное" сравнение греха со злом, которое творят ратники, яркое свидетельство осуждения войны, которое зазвучало во весь голос уже в ранний период развития древнерусской письменности.

С метафорой-символом "душевный дом" в "Слове некоего отця к сыну", как и в последующих статьях "Изборника" 1076 г., связаны метафорические образы "умных очей", "умных ушей", которые противопоставляются телесным очам и ушам. "Буди понижен главою, высок же умъмь. Очи имея в земли, умьнеи же в небеси: Уста съшштена, а сердечьная вьину к богу въпиюшта. Нозе тихо ступаюшти, а умьнеи скоро текушти к вратом небесьныим. Уши уклоняя от зла слышания, умьнымь же вьину прилетая к шюмению святыих словес, яже в святыих кънигах писана суть" (с.165-166).

Развивая философскую идею суеты "века сего", отец наставляет сына в тех добродетелях, которые способны привести его к "жизни

вечной": "Чадо, алчьнаго накърми: ... жадьнааго напои, страньна въведи, больна присети, к тьмьници доиди, виждь беду их и въздъхни" (с.171, подчеркнуто мною - В.К.). Обращает на себя внимание стремление выделить значение этих нравственных качеств человека при помощи глагольных рифм. На первый план выдвигается идея милосердия, человеколюбия, умения сострадать чужой беде, несчастью и горю. Характерно, что перечень этих нравственных добродетелей будет затем постоянно включаться в жанр похвального слова.

Важное значение отводит поучение посещению церкви, как прибежища скорбей и места душевного утешения. "Изборник" внушал своим читателям мысль о значении церкви в жизни ранне-феодального общества как его духовного оплота. Отец разъясняет сыну символическое значение церковного здания и его служителей: "Церковь же разумеваи небо суштее, олтарь же - престол вышьняго, служителя же - аггели божия" (с.172-173). И поскольку церковь является символом неба, то и "стоять" в ней человек должен, "акы на небеси", "яко пред очима самаго бога" "со страхом", а, покинув церковь, не забывать, что там было и что там услышал.

В своем поучении отец подчеркивает особое значение кротости и смирения, как неотъемлемого качества истинного христианина. Он поучает сына в необходимости постоянной скорби о своих грехах и непрестанной памяти о смерти.

Метафора-символ "жизнь - море", получившая широкое распространение в древнерусской литературе, предстает в поучении в развернутом виде. "В вълънах житииских еси, в бури ли морьскеи и беду приемлеши, показаю ти, сыну мои, истиньная пристанища манастыря домы святыиих, к тем прибегаи и утешать тя, поскорби к нимь и обеселишися" (с.177). Итак монастырь предстает в поучении в качестве прибежища от бурь, постоянно подстерегающих человека в житейском

море. Обращает на себя внимание тот факт, что в поучении отсутствует рекомендация, обращенная к сыну, - постричься в монахи, но зато присутствует требование давать "потребное", "что имееши в дому своем" монахам, поскольку, утверждает поучение, все, что дано в монастырь, дано в руки божии.

Особо подчеркивается в "Слове некоего отця к сыну" необходимость молодому человеку обрести себе мудрого наставника в том городе, где он живет, или в его окрестностях. У этого наставника юноша должен перенимать манеру поведения в быту и прилежно внимать его словесам: "Не даждь ни единому словеси его пасти на земли, дражьша бо бисьра суть святая словеса" (с.179). Ценность учительного слова подчеркивается весьма характерным сравнением его стоимостного выражения с "бисером" - жемчугом. Образ "бисера" использован в летописной статье 6453 (955) года, повествующей о крещении княгини Ольги: "си бо от възраста блаженная Ольга искаше мудростью все в свете семь, налезе бисер многоценьных, еже есть Христос" [17]. В несколько иной вариации образ "бисера" дан в похвале Ольге под 6477 (969) г.: "тако и си (Ольга - В.К.) в неверных человецех светящеся, аки бисер в кале" [18].

Говоря о необходимости почитания праздников, "Слово" предостерегает от пьянства. Цель праздника - напоить жаждущих и накормить голодных. Поучение особо подчеркивает значение добродетели нищелюбия, милостыни в качестве одного из добрых дел истинного христианина.

Человек, подчеркивает "Слово", не является хозяином своего имущества. Оно вручено ему богом на "мало днии" как ключарю. "Добрым блюстителем" благополучия семьи является бог, наставляет отец. "Имение" (имущество) бо света сего реце подобно есть, суда отъидеть вниз и пакы с върху приходить" (с.182). Это сравнение выраста-

ет в целую картину, которая позволяет автору наглядно проиллюстрировать свою мысль о том, что человеку не следует заботиться оставлять имущество сыновьям, внукам и правнукам, ибо река напояет своими водами как верхних, так и нижних, т.е. живущих в верховьях реки и в нижнем ее течении. Ведь оставленное наследникам имение может погибнуть от различных напастей, может быть украдено ворами или разграблено ратниками.

Человек, поучает отец, должен заботиться о своей душе и постоянно творить милостыню, которою "купится царствие божие".

"Съгреи трясушааго ся зимою, в храме ли красьне и высоце възлежиши: възведи скытаюштааго ся по улицам в дом свои" (с.189). Перед нами довольно яркая картина, построенная на социальном контрасте страдающего от зимней стужи бездомного бедняка и возлежащего в красивых высоких палатах богача. Она как бы подготавливает читателя к восприятию следующей статьи "Изборника" "Наказания богатым".

Наставляя своего сына, отец проявляет особую заботу о иереях, "служителях божиих", предписывая сыну превратить дом свой в дом молитвы и покоя иереям, а также с честью принимать в своем доме монахов и приносить им "потребное".

Предостерегает "Слово" от клеветы и осуждения и снова подчеркивает значение смирения, как основного нравственного качества истинного христианина. Только человеку, не стыдящемуся "главы своя поклоняти" мимоидущим, богатство "не сътворит ... пакости". Так органически "Слово некоего отця к сыну" связывается со следующей статьей Изборника "Наказание богатым".

Тот, кто владеет великими благами, должен больше и отдавать. "Отверзаи уши свои в ништете стражаюштим", - взывает к богатым автор Наказания. Богатый должен избегать, отвращаться от льстецов и льстивых слов. Льстивые слова, словно вороны, "искалають бо очи ум-

неи" (с.199). Образ "ворона", как символа зла, врага тесно связан с устно-поэтической традицией [19]. Здесь этот образ позволяет ярко показать, что льстивые слова ослепляют человеческую душу, приводят к нравственной слепоте.

Одна из главных задач "богатого"- творить добро и "запрещать зло". Для этого необходим "другы и съветьникы", которые "не вься глаголамая" богатым хвалят, а стараются отвечать "судъмь правьдьным". Правды нельзя быстро доискаться в судебном споре, поэтому "Наказание" советует в спорах разбираться тщательно и медленно, чтобы "николи же людина обидети".

"Буди своим повиньником страшьн сана ради, а любьзн поданиемь милостыня" (с.201), - наставляет автор "Наказания". В этом наставлении в краткой афористической форме заключена основная мысль, которая получит затем развернутое выражение в знаменитом "Слове" Даниила Заточника.

Добрые дела богатого должны соизмеряться в полном соответствии с его "силой": чем больше "сила", тем более должен он творить добрых дел. Истинный же властелин, - считает автор "Наказания", - только тот, кто "сам собою обладаеть и нелепыим похотьм не работаеть" (с.202-203). Он не должен оправдать неправедного, даже если тот его друг, и обидеть невиновного. Человек высокого сана, подчеркивает "Наказание", не должен впадать в грех гордостный и внимать клеветникам.

Следующая статья "Изборника" "Еже правоверьную веру имети.основания добрыих дел есть..." получила в поздних списках название "Стословец" Геннадия, патриарха константинопольского. Его греческий оригинал до сих пор не обнаружен. В этой статье по сути дела развиваются те же мысли, что в "Слове некоего отця к сыну", дополненные изложением основных вопросов христианской догматики, связан-

ными с истолкованием троицы, поклонения кресту и иконам. Изложение этих догматических вопросов связывается в "Стословце" с вопросом сугубо политическим, об отношении к властям придержащим. "Князя бойся вьсею силою своею... Небрежение же о властьх - небрежение о самомь бозе" (с.241). Эти положения затем станут переходить из сборника в сборник, пока окончательно не закрепятся в ХУI веке в "Домострое".

Обращает на себя внимание стремление "Стословца" идти по пути конкретизации и повторения тех наставлений и истин, которые уже излагались в предыдущих статьях.

Например:

"Слово некоего отця к сыну своему":	"Стословец":
"...Колико множьство бысть человек по земли и вьси бес памяти быша, едини же памятьни быша и послушя на небеси и на земли: Иже по заповедьм божиям вься дьни своя пожиша и к единому вышьнему възирааху... (с.161)	Помяни пьрвыя прослувъшая в храбърьстве в богатьстве же и славе и вьси яко без вести отъидоша и беспамятьни быша, худии же и убозии в мире семь о души своеи подвигьшеися, како небеси прославлени и по земли хволими и на помощь призываеми" (с.225-226)

Призывая не стыдиться нищеты, "понеже большая чясть мира сего в ништете есть" (с.210), "Стословец" с большим сочувствием изображает страдания бедняка, "трясуштааго ся зимою", скитающегося по улицам или сидящего в наготе, скорчившись от холода, не могущего даже воды себе принести из-за недуга, лежащего под единым рубищем "дъждевными каплями, яко стрелами пронажаеми", а зимою "клячать над малымь огньцемь съкърчивъши ся, большею же беду очима отъ дыма имуште, руце же токмо съгревающее: плешти же и вьсе тело морозъм из-

мързъше" (с.234).

Об этих страданиях убогих, несчастных должен постоянно помнить богатый, седящий "над мъногоразличъною тряпезою", насыщающийся "многосластьнааго пития, лежащего на многомягкой постели" в твердопокровенных просторных палатах, а зимою седящему в теплой "храмине".

На этом же контрасте бедности и богатства почти в тех же самых выражениях построены отдельные эпизоды "Моления" Даниила Заточника.

Социальный контраст бедности и богатства дан в "Стословце" отнюдь не для того, чтобы возбудить социальную ненависть убогих к богачам, а для того, чтобы вызвать сочувствие богатых к горестной участи бедняков и понудить их поделиться с последними от своего богатства. Ведь "по нетьленьному одеянию крьштения вси равны суть и убозии и богатии", - проповедует "Стословец" (с.235).

Обращает на себя внимание отношение "Стословца" к земной славе. "Славы земльныя никоемь же деле не похошти. Слава бо земльная ругаеться любяштим ю. припахнувъши бо въ мало время человеку, яко буря ветрьная, и плод добрыих дел оборонивьши посмееть неразумия его" (с.216). Нетрудно заметить, что это отношение к славе противоположно тому, которое воспитывалось княжеско-дружинной средой. Достаточно вспомнить "Слово о полку Игореве", где куряне - "сведоми кмети", ищут "себе чти, а князю славе", "поют славу Святъславлю" "Немци и Венедици", "Греци и Морава". Святослав упрекает северских князей в том, что они рано начали Половецкую землю "мечи цвелити, а себе славы искати; нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровѣ поганую пролиясте". Славой князьям завершается "Слово о полку Игореве". Однако нетрудно заметить, что в "Слове о полку Игореве" слава земная, которую жаждет Игорь, "ругается" ему, сводит на нет

"плод добрых дел" Святослава - "на ниче ся година обратиша", "смеется над неразумием" северских князей. В связи с этим не следует ли говорить о наличии двойственного отношения к "славе" автора "Слова о полку Игореве", с одной стороны, - чисто светского, присущего дружинно-княжеской среде, а с другой, - христианско-аскетического, которое постепенно вытесняло мирские представления. Не этим ли следует объяснить исчезновение песен славы Бояна, шедших в разрез с церковной идеологией, аскетическими воззрениями и малую популярность среди древнерусских книжников "Слова о полку Игореве".

Ведь аскетическая христианская мораль призывала любить "бесчестие" "аки чашю пелыня", как поучал "Стословец" (с.217), - ибо "грех сладостию вниде, горестию да проженеться" (с.218).

Следует отметить, что "Изборник" в статье "Премудрости Исусова сына Сирахова" резко осуждает "буесть", противопоставляя ее мудрости: "Луче человек съкрывая буесть свою, нежели съкрывая мудрость свою". "Сердце буяго, яко съсуд утъл, вьсякого разума не удрьжит" (с.379,380). Полагаю, что эти изречения из библейской книги позволяют более глубоко понять смысл поведения буй-тура Всеволода на поле брани в "Слове о полку Игореве" и значение выражения в золотом слове Святослава: "ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена".

Также следует обратить внимание и на изречение из "Книги Иисуса сына Сирахова" по поводу снов: "Яко же емляи ся за стень и гоняи ветры, тако же емляи веру съном" (с.385). Оно показывает, что автор "Слова о полку Игореве", помещая вещий сон Святослава, идет наперекор христианской традиции и следует тем представлениям о снах, которые еще сложились в языческой Руси и прочно удерживались во все последующие века.

В качестве основной нравственной добродетели человека "Сто-

словец" прославляет кротость. "Кротько ступание, кротько седение, кротька възор, кротько слово вься си в тебе да будуть от сих бо истиньныи хрестьян явиши ся" (с.214-215 - подчеркнуто мною - В.К.) - таким анафористическим приемом воспевается эта одна из основных христианских добродетелей. А "буесть", как показано выше, гордость осуждается: "Не буди гърд, да не похвалить ся гроб" (с.252-253).

Развивается в "Стословце" и метафорически-символический образ "душевного дома". Для его строительства необходимо ум свой постоянно от суетных мыслей "востягать" (с.245), чтобы вступить на стезю подвига. Подобно тому, как свеча освещает храмину, так и молитвенный разум освещает душу ясным светом. Молитва - душевная пища, - утверждает "Стословец". Ее принимает господь, "аки мати младенца" (с.251) - ср. Даниила Заточника, который в своем обращении к князю говорит: "не зри на мя, аки волк на агнца, но зри на мя, аки матерь на младенца".

Молитвенная доброта, подчеркивает "Стословец" освещает душу, как солнце. "Съкрывает бо тьмныи облак солнечную красоту и светлость, погубить молитвьную красоту помнение гневьное", - наставляет "Стословец" (с.259).

Если молитвенная красота подобна солнцу, освещающему внутренний мир душевного дома, то грехи, в том числе и гнев - враги душевного дома, они "яко облак покрыють" (с.265) душу человека. Появляется весьма яркий художественный образ "тины гневной", в которой может погрязнуть душа.

Эти мысли затем получают развитие в "Наказании Исихия". Оно исполнено призыва не веселиться "цвьтуштими мира сего", поскольку они, словно травный цвет, увядают. Ярем своих грехов человек может облегчить только печалью. Ум же человеческий должен бять ясным, как небо, а язык свой человек должен "связать", ибо часто человек гово-

рит о том, о чем следует молчать. Нельзя угождать своему телу; "толико тъчию дай телу, елико же требуеть, а не елико же похощеть" (с.278).

Ум и язык целят книги и трудолюбие. "Любяи дело бес печали пребываеть" (с.286), а "мати зълым леность" (с.286). Эту же мысль последовательно проводил в своем "Поучении" и Владимир Мономах.

Исихий призывает терпеть скорби: "в скърбех бо доброты цвьтуть,, акы в трьнии цветьцы" (с.290). Злоба же-"бесовский ножь". Характерно, что летописец неоднократно подчеркивает, что княжеские усобицы - результат злобы, и широко использует символический образ "ножа", осуждая их (см., например, "Повесть об ослеплении Василька Теребовльского").

"Наказание Исихия" отмечает, что злые дела - результат козней дьявола, который к ним побуждает человека. Однако, подчеркивает Исихий, если хочешь обессилить врага своего, то умаляй его грехи, и будет он "опешен от крылу, акы птиця играем и смеху будеть тобою" (с.307). Это метафорическое сравнение весьма близко метафорическому образу "Слова о полку Игореве": "уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самая опуташа в путины железны".

В приводимой в "Изборнике" "Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова", следует обратить внимание на символический образ пахоты, посева, которые связываются с премудростью. Для премудрости человек должен "взорать" свою душу и "засеять" ее добрыми делами, после чего только можно ожидать благих плодов. Однако если человек будет "сеять неправду" "на браздах своих", то он пожнет ее седмирицею.

Широко использована в статьях "Изборника" военная терминология, которая употребляется в переносном аллегорически-символическом значении. Так, например, "оружие" борьбы с дьявольскими соблазнами -

молитва: "яко же и град бестены удобь преят бываеть ратьными, тако же бо и душа не огражена молитвами скоро пленима есть от сотоны" (с.6II).

"Оружие бо наше есть тело, а душа храбър" (с.429).

"Цесарь хотя прияти град противьных отемлеть им воду и скоро приметь град, тако и правьдьник хотяи победити диявола да приимет пост" (с.6I9).

Поучения "Изборника" призывают человека хранить душу и тело. "Тело бо наше есть акы риза, да аще храниши, то търпит, аще повържеши, то изниеть" (с.623).

Врагом тела и души является пьянство. "Пианьство бо есть съмыслу раздрушение и пагуба крепости тьля в мало дни дающти живот, а в бързе дающти съмьрть" (с.684). Пьянство - "мрак и тьма души".

В статьях "Изборника" настойчиво и последовательно повторяются в различных вариациях одни и те же мысли. Этот прием систематического повторения будет затем обоснован в сборнике "Измарагд": "Воды бо часто капающия и камень долбит, тако и книгы чтомы наведут на истинный путь и разрешат греховные союзы" [20].

Преднамеренное повторение служило одной цели - внушить новопросвещенным людям "вечные истины" христианской морали. Этой цели служила форма поучений, собранных "от мьног отець и апостол и пророк, и от инех книг". Эти статьи представляют собою собрание назидательных сентенций, гномий, данных подчас в образной афористичной, ритмически организованной форме [2I]. Дидактическая функция статей "Изборника" подчеркивается преобладанием императивных форм глагола, которые, как правило, начинают фразу. Например: "Утоли гнев... Пии мед помалу... Уклоняися многа смеха... Търпи скорби... Не посмеися чюжему падению" и т.п., или "Не буди скор языком... Не буди, яко

лев в дому своем. Не ходи... Не жьди... и т.п.

Все статьи "Изборника" подчинены единой дидактической задаче: вооружить читателя системой правил и норм поведения, определить круг обязанностей древнерусского человека как богатого, так и бедного по отношению к власти князя и небесного царя, а самое главное — раскрыть основные принципы душевного "домостроительства", выдвигая в качестве высшей красоты души кротость и смирение, "покаяние, слезы и милостыню". Эти принципы и будут в дальнейшем использованы Владимиром Мономахом в его знаменитом "Поучении".

По-видимому, "Изборник" 1076 г. был широко известен в среде культурных людей XI-XII вв. и его идеи, как и поэтическая образность получили отражение и своеобразное преломление в летописании, агиографии, поучениях и даже в "Слове о полку Игореве". "Изборник" 1076 г. послужил основой для развития на Руси четьих дидактических сборников, таких, как "Измарагд", "Златая чепь".

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. - М., 1861. - С.299.
2. Изборник 1076 года / Изд. подг. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина, В.Г.Демьянов, Г.Ф.Нефедов. - М.: Наука, 1965. - С.7-29. (Все дальнейшие сноски в тексте по настоящему изданию с указанием страницы).
3. Идейное содержание статей "Изборника" рассмотрено И.У.Будовницем в статье "Изборник" 1076 года и "Поучение" Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды отдела древнерусской литературы (в дальнейшем ТОДРЛ). Т.Х. - М.; Л., 1954. - С.44-75.
   На классовую направленность "Изборника" 1076 г. впервые обратила внимание В.П.Адрианова-Перетц. См.: История русской литературы. Т.I. - М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. Гл.УП. Сборники морально-философских изречений.
4. См.: Будовниц И.У. Указ.ст. - С.53.
5. См.: Изборник 1076 г. - С.706-732.
6. Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: Исследования и тексты. - М., 1904. - С.479-480.
7. Пенинский И. Славянская хрестоматия... - СПб., 1828. - С.252. Это мнение разделяет Никольский Н. См. его: Материалы для повременного списка русских писателей (Х-ХI вв.) - СПб., 1906. - С.202-203.
8. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.I. - СПб., 1893. - Стлб.169-170; Словарь русского языка ХI-ХУП вв. Вып.I. - М., 1975. - С.322-323.

9. Полн.собр. русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ). Т.I. - М., 1962. - Стлб.65-66.

10. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.152.

11. Там же. - Стлб.21, 29-30, 136, 154.

12. См.: Творогов О.В. Лексический состав Повести временных лет. - Киев, 1984. - С.71.

13. Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. - Киев, 1984. - С.100.

14. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.32.

15. Розов Н.Н. Как "сделана" вступительная статья "Изборника 1076 года" (к 900-летию памятника). // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. - М.: Наука, 1976. - С.42.

16. Памятники литературы древней Руси. XII век. - М., 1980. - С.372.

17. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.62.

18. Там же. - Стлб.68.

19. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. - М.;Л., 1947. - С.86.

20. Яковлев В.А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования "Измарагда". - Одесса, 1893. - С.205.

21. См.: Сазонова Л.И. Ритмико-синтаксические элементы в "Изборнике 1076 года". // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. - М., 1976. - С.38-42.